

СВОЙ/ЧУЖОЙ/ДРУГОЙ, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Самым сложным в человеческих отношениях является умение слушать, слышать, понять и воспринимать Другого равным самому себе, а в межкультурной коммуникации именно эти свойства предстают важнейшими условиями формирования самого процесса общения. И тем не менее осознание иной культуры в качестве равновеликой собственной зачастую отягощено множеством препятствий в виде, к примеру, национальных авто- и гетеростереотипов или устойчивых клише и заблуждений, которые воспринимаются как истина в последней инстанции. Национальная идентичность – это сложнейшая система, которая включает личностную идентификацию человека [1, 346–350], его представление о себе как о части нации, или его космополитичность (в смысле «человек Земли»). Межнациональная коммуникация предполагает формирование диалога между представителями нации и этносов, внутри которого его партнеры занимают равноценные позиции, хотя зачастую условия подобного диалога или нарушаются, или он бывает невозможен. Естественно, возникают множественные уровни конфликтов, которые требуют разных способов их разрешения.

В 1996 году Зигфрид Ленц публикует в одноименном сборнике рассказ «Людмила», в котором мощно звучит тема тождества/различия людей. Место действия – Гамбург, действующих лиц совсем немного. Преподаватель Хайнц Боретиус, претендующий на роль писателя и создавший книгу «Предоставление гражданства» (о правилах составления документов, жалоб, претензий, о специфике квартирного найма и аренды помещения и т.д.). Людмила Фидлер, чья семья двести лет назад, в XVIII веке, добровольно приехала в Россию, а теперь она – репатриантка. Налоговый инспектор Пюцман, дотошно проверяющий доходы Боретиуса и доказательность его претензий на налоговые льготы.

Композиция рассказа такова, что каждая ремарка инспектора Пюцмана («Тут у вас заявляется на списание с налогообложения подарочный набор стоимостью в сто тридцать марок, получатель не указан» [6, 23]) пробуждает воспоминания Боретиуса о Людмиле. Ирония ситуации заключается в том, что Боретиус все скромные подарки девушке – «свиной рулет, бутылка коньяка и бутылка красного вина, салями, банка овощного рагу полейпцигски» [6, 25], две поездки на такси, «пять бутылочек вина «Шато Лафит 82» [6, 28], три астры, «билеты в Музей прикладного искусства и ремесел» [6, 32] – включил в лист на «списание с налогообложения», трактуя их как «наглядные пособия» [6, 24] для занятий.

История о том, как между немецким преподавателем и немкой по рождению зарождается симпатия, а затем любовь, превращается в исследование устойчивых гетеростереотипов, которым следуют люди одной национальной культуры по отношению к другой. Отец Людмилы носит «тяжелую шубу на диком меху» [6, 24], Томск представляется Боретиусу и Пюцману «тундрой и степью», сама Людмила занималась в Томске «бортничеством», но хотела бы в Германии завести «не диких сибирских, а прилежных немецких домашних пчел» [6, 27]. Оговорка о «бортничестве» и диких пчелах показательна, в России более ста лет пчел держат в ульях. Боретиусу хочется приобщить Людмилу к европейским стандартам, его подсознанием руководит устойчивое представление, что Россия – это темная, отсталая страна. В рассказе есть показательный пассаж: Людмила отгоняет пса от лебедей, имитируя волчий вой, и сразу выстраивается смысловая ордината – Россия – заснеженное поле – волки, то есть полное отсутствие цивилизации.

Боретиус покупает для встречи с девушкой «Шато Лафит 82», ему хочется блеснуть тонкостью вкуса, и он не спрашивает ее, любит ли она вино вообще: раз показателем высокого социального статуса является питье «Шато Лафит», значит, ритуал должен быть соблюден. Писатель иронизирует над своим героем: вином, предназначенным для Людмилы,

щедро угощается фотограф Тим, а Хайнц с некоторым напряжением наблюдает, как приятель «плеснул себе еще вина» [6, 29]. Во время визита инспектора Боретиус лихорадочно размышляет, как бы урвать оставшиеся бутылки подальше, ведь если Пюцман их увидит, не видать ему уменьшения налогов.

В характере Боретиуса перемешиваются скупость и претензия на широкий жест, превосходство европейца над дикаркой и понимание ее внутренней чистоты, искренности, которая им утрачена. Ленц, сталкивая Боретиуса и Пюцмана, которые исполняют ритуальные роли – один истово наполняет государственную казну, а другой – использует любую лазейку, чтобы увеличить доход, открыто не говорит о том, что предметом торга стала любовь. И все же каждый чек, каждый счет, каждая контрольная платежка вопиет: Боретиус скрывает гонорар в 600 марок, но включает в списание букет из трех астр на проволочке: «Не только Людмила, вся ее семья уверяла меня, что такого красивого букета никто из них никогда не видел» [6, 31]. Боретиусу не пришло в голову, что семья Фидлеров просто проявила любезность, не более. В подтексте отношения Боретиуса к Людмиле таилось, вначале неявно даже для него самого, покровительственное высокомерие. Людмила как будто была бедной родственницей, которую немного стесняются, но которую не могут оставить в беде и стараются пристроить хоть к какому-нибудь, пусть немудрящему делу.

В этом рассказе писатель являет кризисы личностной и национальной идентичности. Людмила и ее семья переживает конфликт, вызванный желанием воссоединиться с основной массой своего этноса. В этом случае имеет место феномен ирредентизма, то есть воссоединения по этнографическому и лингвистическому признакам. Но Людмила является немкой только по лингвистической принадлежности, по этнографическому признаку она русская. Влияние русской культуры на ее предков в течение двух веков привело к тому, что и она, и ее семья генетически и психологически кардинально изменились.

Боретиус и Людмила, с точки зрения национальной идентичности, могут маркироваться как представители разных наций: ни немецкая культура, которую переселенцы сохранили в законсервированном виде, ни язык не определяют ее принадлежности к немцам. Воссоединение Людмилы с коренным этносом осложняется не только тем, что ей приходится подстраиваться к реалиям Германии середины 90-х годов XX века, но и тем, что оно проходит через личностный конфликт, который не имеет конструктивного разрешения. Настоящую природу героини понял фотограф Тим: «За Людмилу не беспокойся, – сказал он, – с ней будет все в порядке, она свою дорогу найдет; в этой девушке есть обаяние – что бы человек с таким обаянием ни совершал, например, просто резал ломтями тыкву, остальным кажется, будто они присутствуют при священнодействии» [6, 30]. Ленц намеренно сталкивает двух представителей творческих профессий, что высвечивает талант одного и явно завышенные претензии на неординарность другого.

Финал рассказа закономерен и грустен: Людмила, дожидаясь Боретиуса у него дома, случайно наткнулась на коробку со счетами, которые бесстрастно свидетельствовали о том, что возлюбленный ее предал. Свое поелание «дорогому Хайнцу» она записала на диктофон, купленный им для «профессиональных нужд». «Я не хотела их читать, – сказала она, – однако невольно заглянула в одну из них, а затем заглянула и в другую, потому что это оказались квитанции, подготовленные для предъявления налоговому инспектору. <...> Спасибо за все. Постараюсь привыкнуть к мысли, что здесь списывают все. <...> С грустным приветом от списанной Людмилы» [6, 38].

В окончании рассказа очень важно то, что эту запись Боретиус слушает в присутствии *налогового инспектора* Пюцмана, свидетеля падения героя и его судий. Боретиус, претендуя на роль писателя, духовного пастыря, носит маску, прикрывающую скудость души. Поразительно, но даже его последняя фраза, которую он мысленно произносит после потери единственной желанной женщины, свидетельствует о том, что он продолжает думать в привычной и неизменной парадигме: «Мне нечего было сказать в свое оправдание, я понял лишь одно – внезапно, необратимо, – что без возражений приму любое его решение» [6, 38].

Игра между Пюцманом и Боретиусом в охотника и убегающего закончилась, у Боретиуса иссяк кураж, желание обвести государство вокруг пальца.

Людмиле, этнической немке, но по духу русской, не приходит в голову, что знаки внимания влюбленного можно калькулировать. Однако то, что для нее оскорбительно, абсолютно нормально для Боретиуса. Именно поэтому конфликт, который развивается как по вертикали (между разными нациями), так и по горизонтали (между личностями), не может быть конструктивно разрешен [5, 320]. Ожидания Людмилы не исполнились, она столкнулась с разрушительным, на ее взгляд, различием, которое имеет отношение больше к человеческой сущности, чем к особенностям нации, и все же в этом столкновении национальная специфика играет не последнюю роль. В этом рассказе Ленц проходит по тонкой грани между насмешкой и возвышенным, он намеренно, с одной стороны, снижает пафос национального возвеличивания, а с другой стороны, писатель печалится о несовершенстве человеческой натуры [3, 415].

Еще более безрадостную картину взаимоотношений в современном мире нарисовал Ромен Гари в автобиографической повести «Белая собака» (1970). Действие повести отнесено к 1968 году, знаменитому выступлением студентов Сорбонны, убийством Мартина Лютера Кинга. Место событий – Беверли-хиллс, где писатель жил со своей женой – голливудской звездой Джин Сигур. 17 февраля 1968 года к ним прибилась красивая породистая овчарка, которую автор назвал русским именем Батькой. У Батьки обнаружился, на взгляд демократа Гари, ужасный недостаток: пес ласково встречал белых гостей и с бешеным восторгом бросался на людей с черным цветом кожи. Как писателю объяснили в питомнике, это была так называемая «белая собака», предки которой прошли отбор и дрессировку на плантациях Юга, они были натасканы на поимку беглых рабов. Гари решает восстановить справедливость, а для этого уговаривает чернокожего дрессировщика Киза перевоспитать Батьку, потому что в доме нельзя держать «собаку, которая в глазах наших чернокожих друзей была воплощением веков рабства и своим присутствием постоянно о них напоминала» [4, 22].

Рассказ о белой собаке переплетается с повествованием о том, как Америка «искупала вину» перед чернокожими, проводя собрания, желая идти в «семьи, чтобы лучше понять афроамериканцев», даже жена писателя решила принять участие в восстановлении справедливости, жертвуя деньги на создание «школы без ненависти» [4, 16]. «Между тем мне не следовало бы на них злиться: позади у них века рабства. Я не говорю о чернокожих. Я говорю о белых. Вот уже два века они рабы принятых идей и предрассудков, благоговейно передаваемых от отца к сыну, два века покорно следуют этим торжественно провозглашаемым, предписанным идеям, которые держат в тисках их сознание, подобно тем колодкам, что в давние времена еще с детства деформировали ноги китайских женщин» [4, 26]. Рассуждения о правах человека, по мнению Гари, прикрывают лицемерие. «Должен также признаться, что я испытываю острую антипатию к «профессору» (...). Один из тех прогрессистов, которые возмущаются обществом потребления – и занимают у вас деньги, чтобы пуститься в спекуляцию недвижимостью. Терпеть не могу людей, чей политический радикализм порожден тайными психологическими комплексами, а не социологическим анализом. Если молодежь упрекает, и совершенно справедливо, некоторых последователей Фрейда в том, что они пытаются приспособить их к больному обществу, то и старания противоположной стороны, тех, кто хотят приспособить общество к своей больной психике, не представляется мне решением проблемы» [4, 11].

Писатель с гневом говорит, что происходящее в Америке менее всего имело отношение к правам других этносов. Его волнует нравственное состояние общества, которое использует любую возможность, даже такую страшную, как гибель Мартина Лютера Кинга от рук чернокожего экстремиста, только для того, чтобы набить кошелек. «Каждый день на обочине движения за гражданские права возникают мини-группки, чья деятельность имеет одну-единственную цель – обеспечить экономическое выживание их «руководящих комитетов» (...). Я никогда не совал нос в финансовые дела Джин Сибберг. Однако с момента

своего приезда наблюдаю не меньше полудюжины мудозвонов, мошенников и вечных пикаро, которые играют – и выигрывают, делая ставку на ее двойное чувство вины; во-первых, кинозвезды (одного из самых презираемых существ, ибо никому на свете так не завидуют); во-вторых, лютеранки с ее обостренным чувством *первородного греха*» [4, 17] (курсив автора. – Т.С.).

Гари пишет не только о телесном тождестве людей разных национальностей и разных цветов кожи. Это как раз то, что является единым антропоморфным признаком, объединяющим человечество. Писатель с горечью замечает (как в свое время это делал А. Франс, У. Голдинг), что первотолчком в трагической истории различных наций, этносов, социальных групп было стремление властвовать, доминировать над Другим, не воспринимая этого Другого равным самому себе. Агрессия копилась с обеих сторон, никто, ни авторитарная сторона, ни обиженная, не желали изменять парадигму коммуникации. Гари отмечает сходство поведения: люди не способны разорвать цепь устойчивых поведенческих реакций, научиться преодолевать или отбрасывать штампы восприятия. Он пытается пробиться через заскорузлый слой ненависти и бросает чернокожему дрессировщику упрек: «Вы упускаете единственный стоящий шанс, который есть у чернокожих – быть другими. Вы напрасно так стараетесь проходить на нас. Слишком много чести делаете нам. Да, мы так хорошо поработали, что, даже если наша чертова порода полностью исчезнет, ничего не изменится.

– Очень может быть, – говорит он (Киз. – Т.С.), но главное, *чтобы это не помешало вам исчезнуть...*» [4, 53] (курсив автора. – Т.С.).

По Гари, в современном мире доминирует не *различание* (Ж. Деррида), потому что эта категория предполагает *равнозначность во множестве*, а тождество, определяющее поступки людей во всех сферах взаимоотношений, от личностных до социальных и национальных. Люди с яростью держатся за свои предрассудки, они не желают менять в первую очередь, свою жизнь, потому что тогда не остается никакого оправдания собственной ненависти и злобе. Чернокожие женщины, которым помогала Джин Сиберг, весьма своеобразно отблагодарили ее за поддержку: отравили двух кошек, прокололи шины в машине, стреляли по окнам дома, угрожали по телефону. Рассказчик, который обратился за защитой к своему чернокожему другу-адвокату, услышал следующее объяснение: «Их приятели организовали маленькую кампанию устрашения, чтобы отстранить Джин. Чтобы наши славные женщины могли сохранить для себя лично свою нищету, свою привилегию на страдания и гонения, не делясь этим со звездой. <...> Таким образом, они сами останутся звездами негритюда, звездами своей осажденной крепости» [4, 49–50].

Писатель показывает, что люди всегда ориентируются на внешнюю оболочку, а не на внутреннюю сущность индивида. Во время майских событий 1968 года в Париже Гари пытается пройти через полицейский кордон, выставленный против студентов, и получает от полицейского удар дубинкой. «Мгновение гнева, и потом все вдруг проясняется: у меня борода, я в джинсах, в куртке, без галстука и – верх неприличия – вместе с молодым негром» [4, 46]. Гари устраивает настоящую провокацию: «Переодеваюсь в свой самый изысканный костюм, прикрепляю розетку Почетного легиона, надеваю свою парадную хомбургскую шляпу, сделанную на заказ у Желло» [там же]. Теперь уже солдаты трогательно предостерегают уважаемого человека, а какой-то забастовщик готов ударить его железным прутом. Студенты, которые ранее видели в нем своего, «узнают видного врага народа и затевают дискуссию» [4, 47]. Какая блистательная пародия на права человека, какая ледяная ирония по поводу братства, какая едкая похвала глупости.

А Киз сломал «белую собаку», он превратил ее в «черную собаку». По свидетельству Джин, «в этом было что-то подлое. «Прежде всего в смехе Киза – это был смех победителя. Бывают все же другие триумфы, а этот был так же отвратителен, как всякая победа террора ... Потому что первым делом возникал вопрос: каким образом он добился этого? Истязаниями? Невозможно было без боли смотреть на эту обезумевшую, растерявшуюся собаку, переставшую подчиняться собственным рефлексам, запуганную, запутавшуюся,

обманутую и сбиту с толку людьми – жертву истории...<...> Благое намерение «спасти», «вылечить» собаку не имело к этой истории никакого отношения. Это была борьба между людьми» [4, 52].

В конце повести Батька, став бойцовской черной собакой, тяжело ранит Ллойда, друга писателя, а затем бросается на Гари, который когда-то приютил его и которого пес любил. «Я видел, как рядом со мной падали и умирали товарищи, но когда я хочу напомнить себе, каким может быть выражение отчаяния, недоумения и страдания, я представляю себе взгляд этого пса. Внезапно он задрал голову и издал душераздирающий, исполненный дикой, темной печали вой. Мгновение спустя он уже был на улице. <...> Двадцать минут спустя я нашел его на руках у Джин. На его теле не было ни одной царапины. Он свернулся калачиком у нашей двери и умер» [4, 52–53] (курсив автора. - Т.С.).

То, что люди проделывают с собой, превышает, по мнению автора, пределы разумного, каждый этнос, нация, субкультура, идентифицируя себя, действуют с явным или подсудным желанием унизить другого, но унижают себя и проигрывают в игре без правил самое главное - человеческое достоинство. Гари точно диагностировал то, что происходило в самой богатой стране мира. «Я не могу долго оставаться вдали от Америки, потому что еще не настолько стар, чтобы перестать интересоваться будущим, тем, что меня ждет. Здесь решается наша судьба, Америка испытывает нас яростно, жестоко, иногда подло, она в остром кризисе.» [4, 51] (курсив автора. – Т.С.).

Конфликт, в который оказались втянутыми белые и черные, американцы, французы, евреи, не имел конструктивного разрешения. Никто не ориентировался на эффект *разнесения* (Ж. Деррида), предполагающий равенство *различий* и стимулирование диалога. Гари говорит о тождестве, агрессивном в своей одинаковости, когда самость не терпит дружость. А ведь дорога к пониманию себя и Другого, по мнению автора, пряма и проста: не унижать другого и не унижаться самому, не повторять тяжелых ошибок прошлого и не скатываться во враждебность, воспринимать мир во всем многообразии красок и проявлений.

Основной камертон повести звучит печально: люди с огромным трудом понимают равновеликость чужой жизни, других национальных или этнических устоев и норм, они не желают отказываться от убеждений, пусть ошибочных, но греющих душу тем, что они свои. Самое опасное заключается в том, что этнические, национальные, личностные ценности одних навязываются другим, провоцируя обиду, ревность, состояние униженности. Ханна Арендт писала, что национальная проблема является самой сложной и опасной в XX веке. И оба писателя с разных сторон рассматривают не узко ориентированную проблему национальных концептов, а болезненный вопрос о том, как разорвать петлю непонимания и вражды, которая затягивается все туже и туже.

Источники и литература

1. Key Concepts in Cultural Theory. Ed. by A. Edgar and P. Sedgwick. L., N.Y., 1999.
2. Texts of Identity. Ed. by Shotton J., Gergen K.J. L., N.Y., 1989.
3. Белль Г. Франкфуртские чтения / Г. Белль // Самосознание культуры и искусства XX века. Западная Европа и США. М.: СПб, 2000.
4. Гари Р. Белая собака. URL: http://imwerden.de/pdf/gary_belaja_sobaka.pdf Дата обращения 12.03.2013.
5. Конфликтология. Ростов-на-Дону, 2000. С.415.
6. Ленц З. Людмила / З. Ленц // Иностранная литература, N 4, 1998. С.23. Страницы издания указываются в тексте в круглых скобках.